

УДК 82+821.161.1

**ДИНАМИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ МОТИВОВ
В ЮНОШЕСКИХ ПОЭМАХ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА**

«АЗРАИЛ» И «АНГЕЛ СМЕРТИ»

Ким Ю.А., Мехтиев В.Г.

В статье рассмотрены проблемы, связанные с функционированием традиционных мотивов в юношеской поэзии М.Ю. Лермонтова, постепенно и с настойчивостью подвергающихся изменениям и подчиняющихся индивидуальному авторскому заданию автора. Известные в романтической поэзии мотивы страдания, странничества, судьбы, жизни и смерти, включаясь в ассоциативное поле словесного контекста, обретают новые значения, подчиняются принципу динамизма, понятные и продуктивные лишь в художественном мире русского поэта. Для подтверждения тезиса предпринимается структурно-семантический анализ поэм «Азраил» и «Ангел смерти», построенных вокруг универсальной оппозиции "жизнь и смерть", которую Лермонтов творчески преломляет.

Ключевые слова: Лермонтов, романтизм, мотив, «Азраил», «Ангел смерти», динамизация.

**DYNAMIZATION OF TRADITIONAL MOTIFS
IN MIKHAIL LERMONTOV'S YOUTHFUL POEMS
CALLED "AZRAIL" AND "THE ANGEL OF DEATH"**

Kim Y.A., Mekhtiev V.G.

The article studies the problems associated with the functioning of traditional motifs in Mikhail Lermontov's youthful poetry, which undergo changes gradually and persistently while being entirely consistent with the author's personal task. The motifs of suffering, pilgrimage, fate, life and death, which are well-known in romantic poetry, when included in the associative area of the verbal context, become subject to the dynamism principle and acquire new meanings, which are understandable and productive only in the artistic world of a Russian poet. The article

provides a structural-semantic analysis of “Azrail” and “The Angel of Death” poems built on the binary “life and death” opposition, which is creatively interpreted by Lermontov.

Keywords: Lermontov, romanticism, motif, “Azrail”, “The Angel of Death”, dynamization.

Мотив (от лат. *moveo* – двигаю, *motus* – движение) характеризуется как устойчивый компонент формальной структуры литературного текста. Термин в основном употребляется в значениях минимальной повествовательной единицы сюжета и семантически «напряженных» мест текста, приоткрывающих смысловые глубины авторской концепции [6, с. 302]. Являя собой «устойчивые семантические единицы», мотивы «характеризуются повышенной, исключительной степенью семиотичности. Каждый мотив обладает устойчивым набором значений» [5, с. 84] и соотносится с индивидуально-творческим опытом писателя.

Поэзия Лермонтова необычайно продуктивна в аспекте изучения ее мотивов. В «Лермонтовской энциклопедии» перечислены и прокомментированы основные мотивы творчества поэта [4, с. 290-312]. Однако до сих пор актуальным остается замечание авторов о том, что «мотивы поэзии Лермонтова еще не стали предметом отд. монографического анализа» [4, с. 291]. Хотя более или менее детальный анализ мотивов лирики Лермонтова можно встретить во многих трудах отечественных ученых.

Достоинно внимания, например, новейшее исследование Е.Л. Демиденко, где анализируются такие образы-мотивы, как «вечность – время – прошлое, настоящее – будущее – мгновение – воспоминание – память», образующие, по мнению автора, важнейшие в мировоззренческом словаре Лермонтова понятия [2, с. 3, 5]. Здесь осмыслены контексты употребления этих значимых для Лермонтова образов и мотивов, хотя в конечном результате трудно определить, что является исходной точкой в работе – анализ названных «образов-мотивов» в качестве именно мотивов или отдельных лексем?

Традиционно поэзия Лермонтова часто рассматривается как сложное взаимодействие постоянных и любимых для него мотивов. Необычайно многочисленны и несколько даже необъяснимы мотивы юношеского периода творчества поэта. Наличие множества повторяющихся мотивов в произведениях Лермонтова свидетельствует об их особом для поэта внутреннем значении, как неких философско-эстетических констант, на которых базируется его художественная модель мира. Каждый такой мотив всегда имеет какой-то конкретный, локальный смысл, зависящий от контекста произведения, но наряду с этим он обладает еще и сверхзначением, особым «метасмыслом», выводящим его за пределы отдельного произведения и делающим элементом всей художественной системы автора.

Ю.Н. Тынянов в книге «Проблемы стихотворного языка» [7, с. 113] писал о таком свойстве поэтической речи, как динамизация стихового слова, ведущему к образованию мотива и расширению смыслового контекста слова. Углубляя мысли своего учителя, Л.Я. Гинзбург называет контекст ключом к прочтению слова, ведь «он сужает слово, выдвигая, динамизируя одни его признаки за счет других, и одновременно расширяя слово, наращивая на него пласты ассоциаций» [1, с. 12]. Сказанное помогает понять диалогические отношения двух ранних текстов Лермонтова – поэм «Азраил» и «Ангел смерти», написанных почти одновременно в 1831 г.

Эти произведения относятся к юношескому периоду творчества Лермонтова. Давно установлено, что в своих ранних опытах поэт находился под влиянием Байрона, Пушкина, Жуковского, Козлова, Подолинского. Для Лермонтова этой поры естественным было широкое использование «чужого слова», подробное цитирование чужих текстов. На этом основании делались выводы о том, что Лермонтов в своей ранней поэзии не был оригинален, не имел своего собственного художественного почерка. С подобными суждениями трудно спорить. Тем более что герой, природный мир, сюжет и фабула, стилевые принципы лермонтовской поэзии, будучи явно отягощенными

«следами» чужих высказываний, как будто и не претендуют на самостоятельный художественный смысл.

И все же в отношении ранних поэтических созданий Лермонтова нужно отказаться от сложившихся стереотипов. Лермонтов был необычайно одаренным как человек и как творческая натура. Здесь можно упомянуть и лермонтовские притязания на «особую судьбу», на «особое призвание», его тревожные и честолюбивые замыслы, которые беспокоили его с ранних лет. Но это не единственная причина, на основе которой в юношеской поэзии Лермонтова следует искать элементы относительной свободы от влияний.

Обращение творческой личности к «чужому тексту» не может быть механическим: оно в любом случае предполагает стремление к этическому и эстетическому самоопределению. Сколь бы обильными ни были «чужие слова» в лермонтовских текстах, в процессе работы автор вряд ли сомневался в том, что создаваемое принадлежит именно его творческой личности, что он не просто использует чужой материал, а создает нечто новое по отношению к уже существующему тексту. При этом нельзя забывать, что сознание Лермонтова-поэта изначально было не только антиномичным, но и диалогичным. Диалогический характер поэтического мышления Лермонтова заставляет интерпретировать даже не совсем зрелые его поэтические тексты по-иному. Это в большой степени касается системы характерных для Лермонтова мотивов в его произведениях.

Поэмы «Азраил» и «Ангел смерти» отразили ряд пересекающихся мотивов: судьбы (рока), греха, любви, добра и зла и др. Их ценность и значение для автора так велики, что они бросают отсвет даже на название произведений, не исключая имена героев и событийный ряд, связанный с внешней и внутренней жизнью персонажей. Примечательно обращение Лермонтова к мифопоэтическим образам коня, ворона, пещеры, луны (месяца). И тут дело еще в том, в «Азраиле» и «Ангеле смерти» пестрота мотивов – это лишь первое и обманчивое впечатление; они «скреплены» и наделены смысловой

целенаправленностью, благодаря устойчивым в творчестве Лермонтова мотивам смерти, цели и смысла жизни.

Как это бывает обычно у Лермонтова, поэмы «Азраил» и «Ангел смерти» воссоздают архетипические схемы, рисующие отношения неба и земли, смерти и жизни, любви и ненависти, добродетели и греха. Но воссоздают, конечно, не в точности, а через восприятие активного автора, который в своих юношеских опытах опирается не только на личные впечатления, но и на литературную традицию.

В иудаизме, христианстве и исламе ангелы – бесплотные существа, назначение которых – служить единому Богу, сражаться с Его врагами, воздавать честь, нести Его волю стихиям и людям. С ангелами связан еще и мотив грехопадения. Отсюда такой очень важный персонаж, как Ангел смерти – в иудаизме Самаэль, а в мусульманстве – Азраил, предстающий одновременно как враг Бога и как исполнитель Верховной воли. Азраилу поручено забирать души умерших людей, в полном соответствии с мусульманской религиозной традицией: «... приемлет вашу кончину ангел смерти, которому вы поручены, потом вы к вашему Господу будете возвращены» (Коран, 32:11).

Герои Лермонтова «греховны». За мгновенный ропот Азраил обречен на вечное существование: «*И я бессмертен, и за что же! Чем, чем возможно заслужить / Таковую пытку?*». Для героя бессмертие – это пытка. Но, несмотря на страдание, он может гордо посмотреть в глаза Богу: «... *есть сердце у меня / Надменное и полное огня*» [3, с. 103].

Гордыня – главное свойство лермонтовских героев. Причем, она направлена «вовне», на законы «Божьего мира», и объективно как будто не оставляет шансов для совершенствования и возвышения души. Между тем лермонтовский художественный почерк изначально отличается тем, что, хотя его романтические герои упрекают Высшую силу в своих страданиях, все же подспудно несут в себе чувство вины. Лермонтов пока что далек от христианского, православного понимания греха и искупления. Православный

человек считает, что избавиться от ощущения греховности можно только через страдание, через постоянную готовность к страданию. Но героям юного Лермонтова чужда христианская концепция искупления греха. Наказание за грех – это их удаление от Бога, небесного идеала, по которому они томятся.

В мусульманстве смерть есть угасание света жизни и ее прелестей, она освобождает от тяжелых обязанностей мировой жизни. Смерть – перемена места пребывания, переход в иное состояние, некое приглашение в вечную жизнь, хотя она приходит к человеку по Воле Господа Бога; обязанность забирать человеческие души Он возлагает на Ангела (Азраиля), являющегося как бы завесой, разделяющей в глазах людей Смерть и Того, кто ее посылает.

Таким образом, мотивная система поэм «Азраил» и «Ангел смерти» диалогична. Система эта связана с пока что робкими попытками Лермонтова решить «мировые проблемы», «проклятые вопросы» бытия: вины и наказания, греха и милосердного прощения Богом, наконец, смерти, которая в иных обстоятельствах, как в случае с Зораимом, оказывается ценней, предпочтительней, чем любовь и радость жизни. В ситуации героя выбор между смертью и жизнью сопряжен с проблемой свободы поступка и действия, волевой целеустремленности к героизму.

Одним из элементов романтического пространства поэм выступает мотив реки, водного потока. Еще в экспозиционной части произведения Азраил показан сидящим на кургане на фоне впечатляющей картины: *«Речка, кругом широкие долины, курган, на берегу издохший конь лежит близ кургана и вороны летают над ним. Все дико»* [3, с. 102]. Обращают внимания детали обстановки, которые, по всей видимости, вряд ли можно объяснить только соображениями «экзотичности», в соответствии которой строится романтическая поэма в ее ранних формах. Образы и реки, и кургана, и коня, и ворона аллюзивны. Они отсылают нас к мифопоэтическому началу ранних романтических опытов Лермонтова.

В традиционном представлении река и жизнь обладают смысловой амбивалентностью («река жизни»). Водный поток символизирует движение

жизни. В созданной автором картине «статичность», «вечность» роковой доли Азраиля (и Ангела смерти) контрастирует с подвижностью, «текучестью» мироздания. Параллельно мотив реки переносит свой смысл на ситуацию «порога», разделяющего мировое пространство на: «до закона» и «после закона».

В Библии есть указание на то, что на берегу реки была найдена корзина с младенцем Моисеем: «... вышла дочь фараонова на реку мыться... Она увидела корзину среди тростника, ... открыла ее, и увидела младенца...» (Исх. 2:5-6.). В финале лермонтовской поэмы читаем: *«Дева. ... В нашем законе ничего не сказано о людях, живших прежде нас. Азраил. Потому что закон Моисея не существовал прежде земли»* [3, с. 108].

На фоне этого диалога роковой закон жизни Азраиля предстает как нечто первичное по отношению к судьбам земли вообще. Образы ворона, коршуна несколько раз появляются в поэмах, олицетворяя тьму и смерть. Детали, описывающие «издохшего коня»: *«на берегу издохший конь лежит без кургана, / И вороны летают над ним»; «Издохший конь передо мной / Лежит, и коршуны свободно / Добычу делят меж собой»* [3, с. 102] – подчеркивают антиномию жизни и смерти. Антиномия эта усилена упоминанием о «жилище змей», оказавшее губительное влияние на судьбу Ады и Зораима. Процесс создания образа Азраиля (Ангела Смерти) и Зораима сопровождается многозначительной ассоциативной связью мотива «хищных птиц» с мотивами гордости и одиночества. Таким образом, в рассматриваемых поэмах семантика «коня» включена в систему поэтических оппозиций: счастье-горе, и, прежде всего, – жизнь-смерть.

В поэме «Азраил» мотив коня получил довольно оригинальное преломление. Семантика коня здесь, возможно, вырастает до уровня индивидуальной метафоры, соотносящей с опорным образом семантику времени и смерти. «Издохший конь» вызывает лишь сожаление о недоступности такого состояния, когда полнота жизни выражается через метафору «время-конь». Появляется ряд мотивов, контрастно сопоставимых

между собой: река (полнота становления жизни) – «издохший конь» (жизнь мертвая, застывшее время); время (как принцип бытия мира) – вечность (как небытие, как недостоверное существование). Сказанное нужно дополнить поэтической идеей любви, сквозной для обеих поэм. Любовь дает надежду на возвращение к райской непорочности, но в «мире земном» абсолютный, вечный смысл любви оттеняется думой о смерти и «конечности» времени, отведенного человеку.

Цементирующая роль для поэм мотива смерти наглядно проявилась в словах Азраила: *«Зови, как хочешь, смерть – уничтожением, гибелью, покоем, тлением, сном – она все равно поглотит свои жертвы»* [3, с. 104]. Смерть – самый глубокий и значительный факт жизни, именно она ставит вопрос о смысле жизни, если бы не было смерти, то жизнь была бы бессмысленна. Но гордые герои Лермонтова даже с некоторым оттенком нигилизма преодолевают страх смерти: зачем ее бояться, если от нее не убежать, «она все равно поглотит свои жертвы».

Самым, пожалуй, загадочным в поэме «Азраил» является образ Девы. Некоторые детали ее внешности никак не вписываются в ценностный кругозор того мира, к которому она принадлежит: *«Дева входит, цветы в руках и на голове, в белом платье, крест на груди у нее»* [3, с. 104]. До сих пор нет убедительного объяснения тому, что означают «белое платье» и особенно – «крест на груди». Знал ли Лермонтов, что «крест» не может быть соотнесен ни с мусульманской религией (откуда заимствован романтический миф об Азраиле), ни со временем «закона Моисеева»? Может быть, это естественная для юного автора вольность? Думается, так и есть. Добавим лишь, что, возможно, бессознательная, идущая из глубины духа. Поэтому-то не актуализированный в поэме мотив «креста» обретает глубочайший смысл, символизирует неявное присутствие в сознании Лермонтова «евангельского зеркала», отражаясь в котором мифопоэтические реалии «дохристианского мира» связываются в сложный, с трудом распутываемый узел. Бесспорно одно: в изображении небесного (святого, непорочного) и земного (порочного,

греховного), вечности (бессмертия души, но: и «дурной бесконечности») и временного (сознания «конечности» человеческого существования, неизбежности вины, страдания, наказания) неизменно присутствует то самое «евангельское зеркало», о котором было сказано выше. По всей видимости, было бы напрасным трудом искать в таком зеркале точных указаний на однозначное приятие Лермонтовым евангельской истины. Тут дело в другом, в том, что внимание Лермонтова-художника еще с юного возраста приковано к «онтологическим парадоксам» бытия, и в их разрешении существенную роль играют парадигмы «ветхозаветное сознание» – «новозаветное сознание».

Такой вывод становится понятным, если вспомнить мотив странничества в поэмах «Азраил» и «Ангел смерти». Правда, странничество героев не регламентировано поиском некой опорной точки для их существования, как это свойственно евангельскому человеку («земное странничество», предполагающее путь к святости, а через нее – к достижению «небесной родины»). В душе лермонтовских героев борются противоположности: они мучимы страстями («тайные беспокойства», «душевные боли и расстройства», «волнения враждебных дум»), надменностью; в то же время они устремлены к небесному идеалу. Главное же, странничество, скажем, Азраила не способно преодолеть безысходное положение героя, так как в его основе лежит искание «безвестной цели», того, «чего, быть может, нет». Этой завесой таинственного поиска достигается эффект особой напряженности души и трагичности судьбы героя; этим же обеспечивается состояние «межмирности» большинства романтических героев Лермонтова. Состояние, которое нередко имеет противоречивые последствия. Совсем неслучайно чувство обиды героя на Бога в поэме «Азраил в «Ангеле смерти» усиливается мотивами обманутых надежд и мести: *«За гибель друга в нем осталось / Желание миру мстить всему»* [3, с. 122].

Странничество героев Лермонтова, связываясь с мотивом пути-дороги, заметно усложняет и углубляет свой смысл. Если «страннический путь» так или иначе, предполагает поиск некой, пусть и неотрефлексированной героями,

правды, то путь «изгнанника» вряд ли обладает той же направленностью. Странничество – это реально воплощенная роковая судьба героев. Таким образом, желание «романтических бунтарей» Лермонтова к обретению «новой жизни» неизменно сопровождается пафосом бегства от свершившейся участи, ропотом на Бога.

Двойственный характер судеб Азраила и Ангела смерти, включая и Зораима, оказывается непреодолимым. Причина – в их психологических переживаниях. Состояние «межмиральности» и бесприютности, вечного одиночества мучительно. Но Лермонтов уже в юношеских поэмах этически и эстетически возвышает это состояние. Для ведущих героев «Азраила» и «Ангела смерти» цель жизни «неизъяснимая», «безвестная», «страшная», но, несмотря на это, она всегда «желанная». Полярное значение анализируемых мотивов отражает характерный художественный почерк Лермонтова. Зораим, Азраил, Ангел Смерти – и странники, и изгнанники одновременно. Быть изгнанным по Лермонтову – значит быть избранным. А это знак высшей отмеченности героев. В юношеских поэмах, в которых очевидны следы «чужих слов» и как бы довлеет предшествовавшая и современная Лермонтову традиция романтического изображения, тем не менее, закреплены и неповторимо осмыслены привычные образы и конфликтные ситуации. Уже в них появляется устойчивая для поэта система мотивов с опорой на фундаментальные идео-образы его романтического творчества.

Список литературы:

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. Л.: Советский писатель, 1974. 409 с.
2. Демиденко Е.Л. Мироззренчески значимые образно-мотивные ряды в лирике М.Ю. Лермонтова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.01.01 – русская литература М., 2005. 24 с.
3. Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: В 5 т. / Ред. текста, коммент. и предисл. Б.М. Эйхенбаума. М.; Л.: Academia, 1935-1937. Т. 3. Поэмы и повести в стихах. 1935. 670 с.

4. Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В.А. Мануйлов. М.: Советская энциклопедия, 1981. 784 с.

5. Путилов Б.Н. Веселовский и проблемы фольклорного мотива // Наследие Александра Веселовского. Исследования и материалы. СПб., 1992. С. 74-85.

6. Современный словарь-справочник по литературе. М., изд-во АСТ, Олимп. 1999. 704 с.

7. Тынянов Ю. Проблемы стихотворного языка. Л.: Academia, 1924. 140 с.

Сведения об авторах:

Ким Юлия Александровна – магистрант факультета филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск, Россия).

Мехтиев Вургун Георгиевич – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск, Россия).

Data about the authors:

Kim Yulia Alexandrovna – master's degree student of Philology, Translation and Intercultural Communication Faculty of Pedagogical Institute, Pacific National University (Khabarovsk, Russia).

Mekhtiev Vurgun Georgiyevich – Doctor of Philological Sciences, Professor of Literature and Journalism Department of Pedagogical Institute, Pacific National University (Khabarovsk, Russia).

E-mail: aleks_yu24@mail.ru.

E-mail: mextiev@mail.ru.